

ВОЙНЫ ЭРМАНАРИХА С ГЕРУЛАМИ И ВЕНЕТАМИ: СВЕДЕНИЯ ИОРДАНА И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: рассмотрены сведения Иордана о войнах остроготского короля Эрманариха с герулами и венетами. Показан эпический характер сведений историка об этом деянии остроготского короля. Таковым, скорее всего, был фрагмент готского героического эпоса. Проанализированы археологические данные о возможной локализации венетов и герулов в середине – третьей четверти IV в.

Ключевые слова: Иордан, Гетика, остроготы, Остроготское королевство, венеты, герулы, черняховская культура, киевская культура.

Abstract: the article examines Jordanes' information about the wars of the Ostrogothic king Ermanaric with the Heruli and Veneti. The epic nature of the historian's account of this deed of the Ostrogothic king is demonstrated. It is likely that this was a fragment of the Gothic heroic epic. Archaeological data on the possible localization of the Veneti and Heruli in the middle to third quarter of the 4th century is analyzed.

Key words: Jordanes, Getica, Ostrogoths, Ostrogothic Kingdom, Veneti, Heruli, Chernyakhov culture, Kiev culture.

Среди подчиненных Эрманариху германских народов Иордан определенно называет только *gens Herulorum* – герулов (Get., 117–118) [1; 2]. Они появились в Северном Причерноморье веком раньше, не позже середины III в., практически одновременно с готами [3]. Чуть раньше этноним *heruli* был известен епископу Ипполиту Портскому как название одного из германских племен (Lib. gen., 34). Первые сведения об участии герулов в «Скифских» войнах мы находим у Георгия Синкела (Georg. Sync., Chron., р. 717) и Иоанна Зонары (Zonar., XII.24). Они характеризуют герулов (Αίρούλοις) как «племя скифское и готское». Оба эти автора упоминают об их участии в морских походах 267 и 270 гг. [4]. Последний поход варвары совершили на 2000 судов, причем, судя по его описанию в биографии императора Клавдия, речь шла о неудачной попытке переселения целых народов вместе с домочадцами и рабами (SHA. Claud., VI.5,6). После их разгрома император «лишь нескольким из них позволил вернуться в родную землю» (SHA. Claud., VII.6). Возможно, это свидетельство объясняет, почему герулы после 269 г. не упоминаются античными авторами вплоть до времени Эрманариха.

Этот народ чаще всего называется у грекоязычных авторов *Έρουλοι*, у римских *heruli*, *eruli*, что точно соответствует их германскому этнониму **erulas* [5, с. 13]. Авторы-современники «Готских» войн включают

герулов в состав коалиции воинственных варварских племен, которых далеко не случайно называли *Maeotidae* – «меотидами» (SHA. Tac., 13.2–3). Из этого района начинались многие морские походы восточногерманских дружин на Империю в эпоху «Готских» войн. С их кратковременным пребыванием в Северо-Восточном Приазовье археологи связывают поселения Донской дельты типа Рогожкино-ХII. Вполне вероятно, что среди их жителей были и герулы [6, с. 173]. Авторы дают слишком широкую дату существования этого поселения. Судя по находкам боспорских монет от Савромата II до Иннифемея II, оно могло использоваться как раз в годы «Скифских» войн. В. В. Лавров допускает, что они могли здесь обитать и позже. Действительно, нельзя не исключать возможности их проживания среди населения позднеантичного Танаиса IV–V вв. [4, с. 339–340]. Иордан со ссылкой на Аблабия утверждает, что герулы жили вблизи Меотийского болота, в топких местах, которые греки называют *«ele»* (греч. τά ἔλη – «болото») [7, с. 267; 8]. От этого названия он и производит их этноним «гелуры/элуры» (Get., 117). По этому природному ориентиру обитатели поселений в болотистой дельте Дона, как, впрочем, и позднего Танаиса, вполне могли называться у греков гелурами.

Готский историк дает герулам краткую, но яркую характеристику. Он обращает внимание на их отличительную черту – исключительную подвижность. «Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легкооруженных воинов. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользать в

сражении от иных противников, и она уступила твердости и размеренности готов: по воле судьбы они [элуры] также, наряду с остальными племенами, покорились королю гетов Германариху» (Get., 118). По свидетельству того же Иордана ко времени столкновения с готовым Эрманарихом племя герулов было большей частью уже перебито. До подчинения готов у них был свой король, носящий имя Аларих (Halaricus). Здесь уместно заметить, что предложенное недавно датским исследователем Х. Стангом отождествление герулов с росомонами Иордана [9] не находит сколько-нибудь надежных подтверждений в источниках.

Быстрота герулов послужила некоторым историкам основанием считать их не германцами, а кочевниками-сарматами [10, с. 19, 95]. Однако детально изучивший этот вопрос В. В. Лавров не нашел в источниках даже намека на то, что герулы имели какое-то отношение к сарматам [4, с. 338–339]. В позднеантичной и византийской традиции они всегда характеризуются не как конные, а как легковооруженные пешие воины, отсюда, видимо, и их быстрота. Известное свидетельство Иордана о вытеснении герулов готовами с их прародины на территории современной Ютландии (Get., 23) дает основание утверждать, что изначально они принадлежали к группе северогерманских племен, переселившихся вслед за готовами (или одновременно с ними) на юг Восточной Европы. Приазовье, а позже Подунавье не были единственными территориями, где античная традиция знает герулов. Практически одновременно (с 286 г.) они упоминаются и в низовьях Рейна, где часто выступали в союзе с другим германским племенем, батавами [3]. На этом основании возникла гипотеза, согласно которой набеги герулов позволяют усматривать в них собирательное обозначение викингов эпохи переселения народов [11, с. 38]. Более правдоподобна иная версия, объясняющая появление герулов на Западе, – римские императоры могли переселить сюда часть плененных герулов после их морских походов в Понт и Эгейду в качестве федератов. На то же указывает и судьба уцелевших герулов, которые, избродив за три века практически всю Европу, в конце концов, в VI в. вынуждены были вернуться на свою историческую родину [3, с. 216–217].

С герульской проблемой связан еще один важный вопрос – о творцах германской рунической письменности, образцы которой известны и в черняховской культуре. У лингвистов до сих пор немалой популярностью пользуется гипотеза С. Бугге о герулах как изобретателях или посредниках в распространении старшего рунического письма. Сам их этоним сопоставляется с руническим *erilaR* – «мастер рунического письма» [11, с. 39–43] или с рунической формулой *ek erilaz* – «сделал (написал, раскрасил) руны» [12, с. 15–18]. Впервые он встречается в надписи IV в.

[5, с. 16]. Если это так, то руны, найденные в ареале черняховской культуры, могли быть оставлены не только готовами, но и герулами. В более поздней эдди-ческой традиции владение рунами было привилегией лишь высших слоев общества («Песнь о Риге», 36). Но этот вопрос требует дополнительного изучения, как и проблема фонетического совпадения этонима герулов (эролов) с рун. *erilaR*, а через него со скандинавским названием сословия знати – ярлов (др.-исл. *jarl*, др.-англ. *eorl*) [13, с. 415–423].

Б. В. Магомедов указал ряд элементов черняховской культуры, которые обнаруживают истоки в Южной Скандинавии, т. е. на родине герулов. По его мнению, помимо рунических надписей к ним относятся распространение «длинных» домов, особенно трехнефных, фибулы типа «монструоз», железные гребни, вазы ольвийского типа [14, с. 119]. Однако, как сейчас установлено, фибулы-монстры и железные гребни концентрируются в регионах, где пребывание герулов письменными источниками не подтверждается [15, с. 206]. Поэтому вышеназванные признаки могли принадлежать и иным германским племенам, входившим в общность, оставившую черняховскую культуру. Скандинавский и шире североевропейский «импорт» в Восточной Европе (металлические гребни, фибулы типа «монструоз», украшения в так называемом «закшувском» стиле) лишь свидетельствует о каких-то межплеменных процессах в королевстве Эрманариха, не отраженных в письменных источниках [там же, с. 201].

Из других восточных германцев в черняховской культуре более определенно просматривается вандалский след. В современной археологии с вандалами почти единодушно связывают пшеворскую культуру [16]. По свидетельству Иордана, племя вандалов (*Vandali*) было покорено готовами еще до начала их продвижения на юг при короле Бериге (Get., 26, 89). По данным археологии, во второй половине II – первые десятилетия III в., когда в Мазовии появляются могильники вельбарской культуры, здесь практически одновременно исчезают пшеворские памятники. После вынужденного переселения вандалы заняли земли к северу от Дуная по берегам р. Тисы и ее притокам. Вторично они были разбиты готовы короля Гебериха в 336–337 гг., в сражении погиб и их король Визимар (Get., 113–114). По рассказу того же Иордана, какая-то их часть с разрешения императора Константина ушла в Паннонию и служила там Империи приблизительно 60 лет. О судьбе остальных вандалов из письменных источников ничего не известно. Выше речь уже шла о вероятном вандалском культурном компоненте в черняховской культуре, который ярче всего проявляется в погребениях с кремациями с намеренно испорченным оружием. Они встречаются практически по всему черняховскому ареалу (Тырш-

гор в Румынии, Будешты в Молдавии, Оселивка на Верхнем Днестре, Компанийцы в Днепровском Левобережье и др.). Другим вероятным вандальским элементом служат керамические ведра, иногда использовавшиеся для помещения кремаций (например, Каборга, погр. 5). По заключению М. Е. Левады, пшеворские воинские погребения IV в. разбросаны практически по всей черняховской территории, причем на землях остроготов они отличаются относительно богатым и разнообразным инвентарем [там же]. Их хронология в основном совпадает с эпохой Эрманариха.

По рассказу Иордана после подчинения «северных народов» и герулов король Эрманарих «двинул войско против венетов» (Get., 119). Не вызывает сомнений устный, эпический характер источника сведений историка об этом «действии» остроготского короля, восходящий к труду Кассиодора. Исследователи единодушны в том, что таковым, скорее всего, был фрагмент готского героического эпоса, воспевавшего военные подвиги Эрманариха [17, S. 251–257]. Это обстоятельство следует учитывать при использовании свидетельства Иордана о венетах как историческом источнике. Отметим, что пассаж о венетах у Иордана неплохо изучен современной наукой, хотя и сейчас остается несколько вопросов, требующих дальнейшей разработки [18].

Иордан отмечает многочисленность венетов: «nation populosa» (Get., 34) и «numerisitate pollentes» (Get., 119). В этом он видит причину их могущества. Следуя своему эпическому источнику, он утверждает, что венеты, несмотря на свою многочисленность, оказались неспособны к войне и «были достойны презрения из-за [слабости их оружия]». Вначале они сопротивлялись, но, в конце концов, подчинились власти Эрманариха. При этом Иордан отмечает, что победа над венетами была одержана не только потому, что на них наступало «множество вооруженных» – «multitudo armata», а они были «multitudo inbellum», но и с «попущения господня».

Исследователи спорят о направлении похода Эрманариха против венетов, поскольку Иордан не оставил никаких свидетельств о том, где они в то время обитали. Он отметил лишь обширность занятых ими пространств, употребив характерный оборот «immensa spatia» [19, с. 203]. Одни полагают, что Эрманарих совершил поход на северо-запад, отталкиваясь от указания Иордана в § 34, где место обитания многолюдного племени венетов определяется где-то у верховий р. Вистулы – Вислы (Get., 34). В частности, к этому склоняется Д. Н. Козак, отождествляющий венетов прежде всего с населением Верхнего Поднестровья, сохранившим традиции зубрицкой культуры при явном отсутствии здесь следов готской вельбарской культуры [там же,

с. 212–221]. По его мнению, здесь в III–IV вв. на старой венетской основе формировалось одно из первых восточнославянских межплеменных объединений, противостоявшее готам.

Большинство исследователей считают, что Эрманарих совершил поход на север, в Среднее Поднепровье или в лесостепное Днепровское Левобережье, где в его время проживали многочисленные племена киевской культуры (рисунок). Их не без основания отождествляют с венетами Иордана [20, с. 210]. Сейчас археологи отмечают массовый уход киевского населения в IV в. из Левобережной лесостепи на север, в Подесенье и еще далее на северо-восток к верховьям Дона при одновременном появлении на этой территории памятников вельбарско-черняховской традиции, в носителях которой видят готов. Эти разительные перемены в жизни населения Днепро-Донского междуречья связывают с последствиями похода короля Эрманариха на венетов [21, с. 305]. Другой результат готской экспансии археологически проявился в том, что на ряде поселений Среднего Поднепровья и Левобережья киевский слой оказался перекрыт более поздним черняховским слоем. При этом специалистами обращается внимание на то, что лишь часть венетов в лесостепи попала в политическую и экономическую зависимость от державы Эрманариха, следствием чего явилась культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Видимо, основная масса киевского населения отступила в лесную зону и там сумела сохранить свою культурную самобытность [22, с. 94]. Об этом свидетельствуют памятники деснинского варианта киевской культуры, где не ощущается никаких контактов с населением черняховского юга [23, с. 94].

А. М. Обломский выступил с идеей о походах дружин короля Германариха против венетов на восток [24]. С этими акциями он связывает гибель поселений типа Каширка-Седелки на Верхнем Дону, в обитателях которых он усматривает венетов [там же, с. 151, рис. 6]. Нам представляется, что эта гипотеза противоречит этнокультурному облику названных памятников и особенно их хронологии, установленной самим первооткрывателем. Напомним, что на верхнедонских поселениях типа Каширка-Седелки существует вполне определенный черняховский компонент, в том числе «большие» наземные дома, которые современные исследователи связывают не с венетами, а с восточными германцами. К тому же названные верхнедонские памятники были датированы А. М. Обломским достаточно узко в пределах середины III – начала IV в. Он неоднократно отмечал, что на Верхнем Дону до сих пор неизвестны черняховские памятники ступени С₃. Если это так, то не хватает как минимум полстолетия до времени похода Эрманариха – судя по всему, поселения типа Кашир-

Рисунок. Королевство Эрманариха и его окружение: *а* – границы владений Эрманариха; *б* – границы лесостепи

ка-Седелки уже перестали существовать к тому времени, когда король совершал поход против венетов.

Итак, судя по новейшим археологическим материалам, в IV в. разительные этнокультурные перемены наблюдаются в Среднем Поднепровье и Днепровском лесостепном Левобережье, ознаменовавшиеся распространением памятников черняховской традиции на территорию, ранее занятую многочисленным киевским населением. Поэтому мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые связывают эту археологическую ситуацию с последствиями похода Эрманариха на венетов. Однако те же данные археологии наглядно свидетельствуют о том, что далеко не все киевское население вошло в состав Остроготской «державы». Значительная, если не большая его часть покинула свою исконную территорию и ушла на север, к родственным племенам, оставившим десинский вариант поздней киевской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / вступ. ст., пер. и comment. Е. Ч. Скржинской. – СПб., 2000. – 512 с.
2. Neuman G. Heruler / G. Neuman // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. – 1998. – Bd. 11. – S. 468–474.

3. Лавров В. В. Герулы в Причерноморье / В. В. Лавров // Stratum plus ПАВ. – СПб. ; Кишинев, 1997. – С. 214–217.

4. Лавров В. В. Восточные германцы в Приазовье / В. В. Лавров // Stratum : время великих миграций. – СПб. ; Кишинев, 2000. – С. 331–341.

5. Ганина Н. А. Крымско-готский язык / Н. А. Ганина. – СПб., 2011. – 288 с.

6. Безуглов С. И. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона / С. И. Безуглов, И. В. Гудименко // Российская археология. – 1993. – № 1. – С. 169–174.

7. Скржинская Е. Ч. Комментарий / Е. Ч. Скржинская // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / вступ. ст., пер. и comment. Е. Ч. Скржинской. – СПб., 2000. – С. 175–375.

8. Ганина Н. А. Герулы как воинская элита : к определению и этимологии термина / Н. А. Ганина // Восточная Европа в древности и средневековье : политические институты и верховная власть : материалы конф. – М., 2007. – С. 41–45.

9. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) / Х. Станг // Stratum : неславянское в славянском мире. – 1999. – № 5. – С. 119–147.

10. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. / А. М. Ременников. – М., 1954. – 146 с.

11. Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ) / Э. А. Макаев. – М., 2022. – 158 с.
12. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий / Е. А. Мельникова. – М., 2001. – С. 15–18.
13. Гуревич А. Я. Руны, руническое письмо / А. Я. Гуревич // Словарь средневековой культуры. – М., 2003. – С. 415–423.
14. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. Т. I) / Б. В. Магомедов. – Lublin, 2001. – 290 с.
15. Левада М. Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени / М. Е. Левада // Боспорские исследования. – Симферополь ; Керчь, 2006. – Вып. 11. – С. 194–249.
16. Щукин М. Б. Ранние вандалы / М. Б. Щукин // Germania-Sarmatia II. – 2010. – С. 15–30.
17. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgang der Volkerwanderung / L. Schmidt. – Bd. 1. Ostgermanen. – Munchen, 1969. – 670 S.
18. Петрухин В. Я. Венеты/венеды : историографическая традиция и этногенез славян / В. Я. Петрухин // Межславянские взаимоотношения и связи : средние века – раннее новое время. – М., 1999. – С. 124–128.
19. Козак Д. Н. Венеди / Д. Н. Козак. – К., 2008. – 470 с.
20. Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005. – 576 с.
21. Терпиловский Р. В. Киевская и черняховская культуры. Проблемы контактов / Р. В. Терпиловский // Stratum : время великих миграций. – СПб. ; Кишинев, 2000. – № 4. – С. 303–311.
22. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. (Monumenta Studia Gothica. Т. III) / Р. В. Терпиловский. – Lublin, 2004. – 232 с.
23. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское времена (сер. III – перв. пол. V в. н. э.) / А. М. Обломский. – М., 2002. – 255 с.
24. Обломский А. М. Некоторые соображения о походах дружин короля Германариха на восток / А. М. Обломский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008. – С. 142–162.

Воронежский государственный университет
Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Voronezh State University
Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Archeology and
History of the Ancient World
E-mail: zinkovi@yandex.ru